

ЧЭНЬ СИНЬЮЙ

О РОЛИ И ВЛИЯНИИ ДОСТОЕВСКОГО В КИТАЕ

После исторических событий 1919 г., известных как «Движение 4 мая»¹, в стране возрос спрос на произведения классиков русской литературы — Достоевского, Тургенева, Толстого и Чехова. Активизировалась деятельность издательств и переводчиков, многие и многие произведения русских писателей были переведены и изданы на китайском языке. Благодаря этим переводам китайские читатели смогли открыть для себя Достоевского как духовно близкого человека. Одновременно появилось множество исследовательских работ, посвященных его творчеству, а также биографических и научно-популярных статей и монографий. В течение всего XX в. Достоевский оказывал влияние и на творчество китайских писателей.

I. Изучение Достоевского в Китае

Можно условно выделить три этапа изучения Достоевского в Китае. Первый этап — 1918–1950 гг. Как выдающийся русский писатель, Достоевский был радушно встречен исследователями и публицистами левой политической ориентации. Большая часть исследований о нем носила биографический характер. Китайские критики с энтузиазмом осваивали концепции русских и западных литературоведов, обретая запас знаний для изучения творчества писателя. Новая китайская литература нашла человеколюбивые идеи Достоевского созвучными китайским

---

¹ «Движение 4 мая» — народные волнения, ставшие ответом на решение Парижской мирной конференции отказать Китаю в сохранении земель бывших германских концессий после окончания Первой мировой войны. Началом послужила массовая антияпонская и антиправительственная демонстрация в Пекине, проходившая под социалистическими, антиимпериалистическими и антияпонскими лозунгами. Под давлением непрерывающихся забастовок и акций протеста правительство Китая вынуждено было заявить об отставке ряда министров, а также о непризнании страной Версальского мирного договора. «Движение 4 мая», помимо общественно-политического значения, имело также большое значение для культуры страны, придав ее дальнейшему развитию более современный характер.

традициям гуманизма и любви к человеку (жэнь²). Идея Достоевского любви и сочувствия к простым беднякам, к униженным и оскорбленным была близка писателям и читателям нового демократического Китая. С уверенностью можно сказать, что этот период отличался особым интересом к произведениям Достоевского, которые воспринимались как пример русского реализма высочайшего уровня.

Второй этап — 1950–1989 гг. В этот период Достоевский рассматривался, с одной стороны, как мастер романа, а с другой — как идейно чуждый китайской идеологии писатель. Классовый подход к зарубежной литературе занимал основное место в методике китайского литературоведения того времени. Идейная враждебность к творчеству Достоевского усиливалась еще и тем, что многим китайцам трудно было понимать Достоевского как «чисто русского писателя», по определению Н. А. Бердяева. «Ф. Достоевский был до глубины русский человек и русский писатель. Его нельзя себе представить вне России. По нему можно разгадывать русскую душу»³. Как правильно заметил Го Сяоли, «во-первых, китайцам, воспитывающимся в контексте конфуцианских идей, трудно уловить смысл произведений, написанных в христианском (точнее, православном) духе... во-вторых, принципы мышления культуры („строение души“ России и Китая) различаются между собой»⁴.

Третий этап наступил в 1990-е гг. и продолжается по настоящее время. Этот период отличается всё возрастающим ростом интереса к русской литературе и преклонением китайских читателей перед Достоевским как литературным гением. Писатели среднего и старшего поколений, опираясь на свои личные переживания о пройденном странной историческом пути, в атмосфере освобождения от идейно-классовых запретов перешли к анализу человеческой психологии и отображению глубины души человека. Достоевский подсказывает им очень многое в подходе к психологии человека, помогает понять «неуловимое» при сохранении специфики восприятия в рамках национальных традиций.

Лу Синь был одним из первых исследователей Достоевского в Китае. До 1920-х гг. Лу Синь, владевший японским языком, собирал издания произведений Достоевского в переводах на японский. Среди них было собрание сочинений Достоевского, а также книги, посвященные изучению творчества писателя: например «Л. Толстой и Ф. Достоевский» Д. Мережковского, «Переоценка Достоевского» японского исследователя Нобори Сёму. Хотя Лу Синь практически не занимался

---

² Жэнь (仁) — в соответствии с концепцией Конфуция, «человеческое начало», «любовь к людям», «человеколюбие», «милосердие», «гуманность».

³ Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 107–223.

⁴ Го Сяоли. Бинарность и тернарность: сравнительный анализ принципов мышления двух культур через призму произведений Достоевского, Конфуция и Лао-Цзы // Философский журнал. 2012. № 1. С. 86.

переводами Достоевского, однако регулярно упоминал его имя в своих работах.

Важно отметить, что Лу Синь оказал большую помощь в деле издания произведений Достоевского в прямых переводах с русского языка. Занимаясь исследованием творчества Достоевского, он написал небольшое предисловие к роману «Бедные люди». В этом эссе Лу Синь признавался, что «был поражен тем, что 24-летний Достоевский продолжил тему „маленького человека“, впервые затронутую в творчестве А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, и описал одиночество пожилого человека. Бедные люди Макар Девушкин и Варенька Доброселова так нежно и преданно любили друг друга, но им, к сожалению, не суждено было обрести счастье друг с другом. Они чувствовали себя ужасно одинокими, униженными и в то же время не желающими мириться с несправедливостью»⁵. Лу Синь рассматривал Достоевского как писателя, всю жизнь боровшегося за счастливую судьбу бедных людей.

Как и Достоевский в русской литературе, он как бы говорил своим творчеством, что всякий человек, кем бы он ни был, как бы низко он ни стоял на ступенях социальной иерархии, имеет право на сочувствие и сострадание. Как и Достоевский, Лу Синь с большим сочувствием думал о судьбе китайского народа; в тогдашнем Китае это было большим открытием. Лу Синь сравнивал русскую литературу с плодородной почвой, которая помогает вырастить в людях такие качества, как терпение, чувство справедливости и сострадание, гуманность. Как активный защитник движения за «новую культуру» писатель убеждал ее противников в том, что «Преступление и наказание» Достоевского и «Капитал» Маркса были написаны не после чашки чая и кофе или после выкуренной европейской сигареты⁶.

Лу Синь называл Достоевского великим судьей человеческой души, который в поисках истины одновременно выступал в двух ипостасях — в роли судьи и в роли преступника. Суд в его книгах — это суровое, беспристрастное изобличение преступника, но суд — это еще и путь к добру, путь к истине, который совершается через преодоление зла. Признавая диалектику добра и зла, Лу Синь вслед за Достоевским показывает, что раскрыть суть добра на разных уровнях бытия возможно лишь через его противоположность — зло, так как добро и зло коренятся в душе самого человека.

Лу Синь отмечал, что творчество Достоевского имело просветительское значение для китайской интеллигенции. Он восхищался тем, что Достоевский сумел проникнуть в глубину души человека не с помощью описания внешности, а с помощью тона, голоса. Лу

---

⁵ 鲁迅. 《鲁迅全集》，16卷，第7卷，人民文学出版社，1981年，第103页。（Лу Синь. Собр. соч.: В 16 т. Пекин, 1981. Т. 7. С. 103.)

⁶ 鲁迅. 《鲁迅全集》，16卷，第3卷，人民文学出版社，1981年，第150页。（Там же. Т. 3. С. 150.)

Синь считал, что Достоевский проводил своего рода эксперименты в своих романах, от «Бедных людей» и до «Братьев Карамазовых», с целью выявить свой «реализм в высшем смысле», рассмотреть этические правила, следуя закону души. Достоевский заставил своих героев пережить духовную казнь, направил их на путь рефлексии и исповеди, исправления и воскресения. Изображенное Достоевским жизненное пространство героев он воспринимал в трех аспектах: 1) ситуация социальной и метафизической несвободы, 2) попытка героев найти возможность реализовать свои творческие силы, ставящая их на грань жизни и смерти, 3) раскрытие мотивов и причин духовного кризиса человека, находящегося в состоянии нравственно-онтологического «запустения».

Высоко оценивая Достоевского, Лу Синь указывал на причины трудности в восприятии его произведений соотечественниками: «Как китайский читатель, я не в состоянии понять достоевское терпение, смирение и страдание. В Китае нет русского Христа, здесь господствует Ли („вежливость“), а не Бог»⁷. Тем самым Лу Синь хотел сказать, что конфуцианская традиция помешала китайским читателям правильно понять смыслы этических исканий героев Достоевского. Как мы уже отмечали выше, действительно, читателю, впервые взявшему в руки роман Достоевского, трудно было адекватно понять заложенные в нем смыслы. Известный китайский поэт Сюй Чжимо отмечал, что «максимальные ценности, к которым Достоевский стремился, превратились в абсолютную пустоту, печальную и страшную пустоту; вожделие и любовь, описываемые им, обречены на трагический конец»⁸. Поэт находил «в улыбке персонажа романа „Идиот“ князя Мышкина нечто нерадостное и нездоровое»⁹. Критик Чжоу Либо писал, что произведения Достоевского наносят человеку морально-философскую травму. Он подчеркивал, что в борьбе за торжество жизни Л. Толстой выглядит, как река, по которой плывет лодка, и это гораздо важнее, чем Достоевский, которого можно сравнить с водопадом¹⁰. Не был понят и тезис Достоевского о «смирении». Писатель Тянь Хань «упрекал Достоевского в обожевлении смиренных рабов и благословении цепей на своем теле»¹¹.

⁷ 鲁迅. 《鲁迅全集》，16卷，第6卷，人民文学出版社，1981年，第411–412页。（*Там же*. Т. 6. С. 411–412.）

⁸ 徐志摩. 《罗曼罗兰》，晨报副刊. 1925（10）。（*Сюй Чжимо*. Ромен Роллан // Утро. 1925. № 10.）

⁹ 徐志摩. 《欧洲漫录》，晨报副刊. 1925（4）。（*Сюй Чжимо*. Поездка по Европе // Утро. 1925. № 4.）

¹⁰ 周立波. 《纪念托尔斯泰》//周立波. 《周立波三十年代文学评论集》，上海，第240页。（*Чжоу Либо*. Памяти Л. Толстого // Чжоу Либо. Сборник литературной критики 1930-х гг. Шанхай, 1984. С. 240.）

¹¹ 田汉. 《从罪与罚的世界到马戏团的世界》//田汉. 《田汉文集》第14卷，北京，2002年，第540页。（*Тянь Хань*. От мира «Преступления и наказания» к миру цирка // Тянь Хань. Собр. соч.: В 20 т. Пекин, 2002. Т. 14. С. 540.）

Трагическое раздвоение личности, которое стало одной из главных тем творчества Достоевского, до этого не имело места в китайской литературе. Поэтому на начальном этапе восприятия Достоевского в Китае некоторые китайские писатели, и особенно традиционалисты до конца не понимали философских идей писателя и болезненно реагировали на его художественно-психологические исследования. По мнению Ван Юаньхуа, творчество Достоевского — «это писательское шоу, злоупотребление талантом»¹². Ма Чжуншу, в свою очередь, опасался, что «чтение Достоевского могло бы вызвать отвратительное чувство, привести современную молодежь к моральному падению, душевной замкнутости и разврату»¹³.

В 1980-е гг. китайские исследователи пришли к более углубленному изучению творчества Достоевского. Например, в статьях Ся Чжуньи «„Записки из подполья“ Достоевского и полифоническая структура романа»¹⁴ и Пэн Кэсюнь «Романы Достоевского и бурный XX век»¹⁵ рассматривается связь произведений Достоевского с мировой литературой.

По мере возрождения литературоведческой компаративистики в Китае появились такие исследования, как, например, статья Сюй Цзидуна «Тема интеллигентной исповеди в русской и современной китайской литературе на примере творчества Достоевского и Чжан Сяньляна» и монография Ли Чуньлинь «Лу Синь и Достоевский»¹⁶.

В 1990-е гг. исследований, посвященных Достоевскому, становится всё больше и больше. В книге под редакцией Ван Чжилян «Русская литература и Китай»¹⁷ отдельная глава («Достоевский и Китай») посвящена оценке произведений писателя в Китае и влиянию его творчества на современную китайскую литературу. В главе «Перевод русской литературы в Китае» (написанной в соавторстве с Ли Динцзо) представлен подробный обзор переводов Достоевского в Китае вплоть до 1987 г. Одно название — «Достоевский» — имеют книги Чэнь Цзяньхуа¹⁸

---

¹² 王元化. 《读陀思妥耶夫斯基》 //王元化. 《集外旧文钞》，上海，2001年，第102页。(Ван Юаньхуа. Прочтение Достоевского // Цзивай цзювэньчао. Сборник дополнений к собранию сочинений Ван Юаньхуа. Шанхай, 2001. С. 102.)

¹³ Дин Шисинь. Анализ причин неприятия Достоевского в современном Китае // Научный форум. 2009. №1. С. 66.

¹⁴ 夏仲翼. 《陀思妥耶夫斯基的地下室手记和小说复调结构问题》，《世界文学》，1982年第4期。(Ся Чжуньи. «Записки из подполья» Достоевского и полифоническая структура романа // Мировая литература. 1982. №4.)

¹⁵ 彭克巽. 《陀思妥耶夫斯基的小说与动荡的二十世纪》，《读书》，1983年第12期。(Пэн Кэсюнь. Романы Достоевского и бурный XX век // Чтение книг. 1983. №12.)

¹⁶ 李春林著. 《鲁迅与陀思妥耶夫斯基》，合肥，1985年。(Ли Чуньлинь. Лу Синь и Достоевский. Аньхой, 1985.)

¹⁷ 智量等. 《俄国文学与中国》，上海，1991年。(Ван Чжилян. Русская литература и Китай. Шанхай, 1991.)

¹⁸ 陈建华. 《陀思妥耶夫斯基传》，台湾，1994年。(Чэнь Цзяньхуа. Достоевский. Тайвань, 1994.)

и Чэнь Хуэйлин¹⁹, посвященные описанию жизни и творчества писателя.

В монографических исследованиях «Связи между китайской и русской литературой XX века» Чэнь Цзяньхуа²⁰, «Современная история перевода мировой литературы в Китае» под редакцией Се Тяньчжэнь²¹ «О переводе русско-советской художественной литературы в 1930–1940-е годы в Китае» Ли Цзинь²² и во многих других работах уделяется большое внимание переводу Достоевского и популяризации произведений писателя в Китае.

Таким образом, исследования о Достоевском в Китае прежде всего связаны с изучением его произведений с помощью средств сравнительно-исторического литературоведения. Начиная с 1990-х гг. выходят в свет исследования культурно-исторического характера, посвященные Достоевскому. Например, «Достоевский и дух русской культуры» Хэ Юньбо²³, «Мораль, Бог и человек: Вопросы изучения Достоевского» Хэ Хуэйхуна²⁴, «Бродячая душа. Достоевский и русская традиционная культура» Чжао Гуйлянь²⁵ и др. Кроме того, в это же время в Китае появились научные труды, в которых основной акцент сделан на изучение внутренней структуры, языка и поэтики произведений Достоевского, а не только его философских идей, как это чаще бывало прежде. Это такие работы, как «Русская литература и Запад: сравнительное исследование моделей русской и западной эстетики повествования» Ху Жицзя²⁶, «Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры» Ван Чжигэн²⁷, «Исследование искусства романов Достоевского» Пэн Кэсюнь²⁸.

---

¹⁹ 陈慧玲. 《陀思妥耶夫斯基》, 台湾, 1997年. (Чэнь Хуэйлин. Достоевский. Тайвань, 1997.)

²⁰ 陈建华. 《20世纪中俄文学关系》, 北京, 2004年. (Чэнь Цзяньхуа. Связи между китайской и русской литературой XX века. Пекин, 2004.)

²¹ 谢天振主编. 《中国现代翻译文学史(1898-1949)》, 上海, 2003年. (Се Тяньчжэнь. Современная история перевода мировой литературы в Китае. Шанхай, 2003.)

²² 李今. 《三四十年代苏俄汉译文学论》, 北京, 2006年. (Ли Цзинь. О переводе русско-советской художественной литературы в 1930–40-е годы в Китае. Пекин, 2006.)

²³ 何云波. 《陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神》, 长沙, 1997年. (Хэ Юньбо. Достоевский и дух русской культуры. Чанша, 1997.)

²⁴ 何怀宏. 《道德·上帝和人——陀思妥耶夫斯基的问题》, 北京, 1999年. (Хэ Хуэйхун. Мораль, Бог и человек. Вопросы изучения Достоевского. Пекин, 1999.)

²⁵ 赵桂莲. 《漂泊的灵魂——陀思妥耶夫斯基与俄罗斯传统文化》, 北京, 2002年. (Чжао Гуйлянь. Бродячая душа. Достоевский и русская традиционная культура. Пекин, 2002.)

²⁶ 胡日佳. 《俄国文学与西方——审美叙事模式比较研究》, 上海, 1999年. (Ху Жицзя. Русская литература и Запад: сравнительное исследование моделей русской и западной эстетики повествования. Шанхай, 1999.)

²⁷ 王志耕. 《宗教文化语境下的陀思妥耶夫斯基诗学》, 北京, 2003年. (Ван Чжигэн. Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры. Пекин, 2003.)

²⁸ 彭克巽. 《陀思妥耶夫斯基小说艺术研究》, 北京, 2006年. (Пэн Кэсюнь. Исследование искусства романов Достоевского. Пекин, 2006.)

Представляется, что китайские русисты и специалисты по русской литературе сделали немало для изучения творчества Достоевского. К сожалению, до сих пор недостаточное внимание уделяется изучению взаимосвязи Достоевского с китайской литературой. Следует отметить, что если бы не было монографии «На грани речи и мысли: сравнительное изучение Достоевского»²⁹, китайские исследования о Достоевском не достигли бы достаточно высокого уровня. Новизна этого серьезного монографического исследования Тянь Цюаньцзиня заключается в том, что китайские переводы Достоевского рассматриваются в контексте китайской культуры; проводится тематический анализ сексуального, семейного и интеллектуального аспектов в контексте китайской классической литературы — на примере романов «Сон в красном тереме» и «Цветы сливы в золотой вазе»³⁰. Своеобразие и новаторство этого исследования определяется тем, что тема «Достоевский и религиозная философия» исследуется с помощью междисциплинарных методов в трех аспектах: 1) гармония и страдание; 2) верование и разум; 3) заблуждение и искупление. Тянь Цюаньцзинь, таким образом, выполнил работу по наиболее глубокому аналитическому исследованию творчества Достоевского в китайской филологической школе.

Опыт изучения Достоевского в Китае свидетельствует о том, что в восприятии Достоевского в нашей стране произошли серьезные изменения: непонимание или даже открытая неприязнь сменились искренним и глубоким интересом. Это связано и с появлением новых переводов произведений Достоевского на китайский язык, и с публикациями научных работ китайских и зарубежных филологов и критиков, посвященных творчеству писателя.

Нужно признать, что в первой половине XX в. значительное влияние на восприятие творчества Достоевского китайскими читателями оказали русские критики Мережковский и Кропоткин и такие зарубежные исследователи, как Нобори Сёму (1878–1958), японский переводчик русской литературы, и Георг Брандес (1842–1927), датский литературный критик. Известные писатели Мао Дунь, Чжэн Чжэньдо и Тянь Хань много сделали для распространения суждений Кропоткина и Мережковского в своих разысканиях о Достоевском³¹.

²⁹ 田全金. 《言与思的越界——陀思妥耶夫斯基比较研究》, 上海, 2010年. (Тянь Чуаньцзинь. На грани речи и мысли: сравнительное изучение Достоевского. Шанхай, 2010.)

³⁰ Имеется в виду «Цзинь пин мэи» (кит. упр. 金瓶梅, пиньинь: Jīn Pīng Méi, палл.: Цзинь пин мэи) — эротико-бытописательный роман, написанный на разговорном китайском языке, известный с 1617 г. Название произведения состоит из частей имен главных героинь романа: Пань Цзиньянь (潘金莲, Pan Jinlian, «Золотой Лотос» Пань), Ли Пиньэр (李瓶儿, Li Ping'er, «Вазочка» Ли) и Пан Чуньмэй (庞春梅, Pang Chunmei, «Цветок весенней сливы» Пан.)

³¹ 沈雁冰. 《陀思妥耶夫斯基的思想》, 《小说月报》, 1922 (1), 第13-14页. (Шэнь Яньбин. Идеи Достоевского // Сяошо юэбао. 1922. №1. С. 13-14); 郑振铎. 《关于俄国文学重要书籍介绍》, 《小说月报》, 1923 (4), 1923 (8). (Чжэн Чжэньдо.

В последнее время издается множество книг, посвященных Достоевскому и его творчеству: например, «Вечная любовь — воспоминания А.Г. Достоевской»³², «14 лет совместной жизни: воспоминания А.Г. Достоевской»³³, «Реализм Достоевского» и «Достоевский и мировая литература» Г. Фридлендера³⁴, сборник статей «Бог Достоевского» Германа Гессе³⁵, «Л. Толстой и Ф. Достоевский» Д.С. Мережковского³⁶, а также переведенные на китайский язык монографии американских исследователей: «Достоевский и женский вопрос» Нины Пеликан Страус³⁷, «Уничтожение инерции: Достоевский и метафизика» Лизы Кнапп³⁸, «Dostoevsky»³⁹, «Tolstoy or Dostoevsky to»⁴⁰ Джорджа Стайнера, и «Достоевский после Бахтина» английского исследователя Малькольма Джоунса⁴¹ и «Философия Достоевского» немецкого исследователя Рейнхарда Лаута⁴².

С 1980-х гг. достоевковедение в Китае находилось под влиянием книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». Сегодня

О важных книгах по изучению русской литературы // Сяошо юэбао. 1923. №4, 8); 田汉. 《俄罗斯文学思潮之一瞥》，田汉. 《田汉全集》，第14卷，石家庄，2000年，第72-74页。(Tian Han. Взгляд на течения в русской литературе // Тянь Хань. Полное собрание сочинений. Шичзячжуан, 2000. Т. 14. С. 72-74.)

³² 陀思妥耶夫斯卡娅, 樊锦鑫译. 《永生永世的爱——陀思妥耶夫斯基夫人回忆录》，桂林, 1992. (*Достоевская А.Г. Вечная любовь: Воспоминания / Пер. Фань Цзиньсинь. Гуэйлинь, 1992.*)

³³ 陀思妥耶夫斯卡娅, 倪亮译. 《相濡以沫十四年: 作家回忆录》，上海, 1997年. (*Достоевская А.Г. 14 лет совместной жизни: воспоминания о Достоевском / Пер. Ни Лян. Шанхай, 1997.*)

³⁴ 格·弗里德连杰尔著, 陆人豪译. 《陀思妥耶夫斯基的现实主义》，合肥, 1994年. (*Фридлендер Г. Реализм Достоевского / Пер. Лу Жэньхао. Хэфэй, 1994*); 格·弗里德连杰尔著, 施元译. 《陀思妥耶夫斯基与世界文学》，上海, 1997年. (*Фридлендер Г. Достоевский и мировая литература / Пер. Ши Юань. Шанхай, 1997.*)

³⁵ 赫尔曼·海塞等. 《陀思妥耶夫斯基的上帝》，论文集, 北京, 1999年. (*Гессе Г. Бог Достоевского // Сборник статей европейских критиков. Пекин, 1999.*)

³⁶ [俄]梅列日科夫斯基, 杨德友译. 《托尔斯泰与陀思妥耶夫斯基》，沈阳, 2000. (*Мережковский Д. С. Л. Толстой и Ф. Достоевский / Пер. Ян Дзю. Шэньян, 2000.*)

³⁷ [美]尼娜·珀利堪·斯特劳著, 宋庆文等译. 《陀思妥耶夫斯基与女性问题》，长春, 2003年. (*Strauss N.P. Dostoevsky and the Woman Question / Пер. Сун Цинвэнь и др. Чанчунь, 2003.*)

³⁸ [美] 莉莎·克纳普著, 季广茂译. 《根除惯性——陀思妥耶夫斯基与形而上学》，长春, 2003年. (*Knapp L. Annihilation of Inertia: Dostoevsky and Metaphysics / Пер. Цзи Гуанмао. Чанчунь, 2003.*)

³⁹ [美] 苏珊·李·安德森著, 马寅卯译. 《陀思妥耶夫斯基》，北京, 2004年. (*Anderson S.L. Dostoevsky / Пер. Ма Иньмо. Пекин, 2004.*)

⁴⁰ [美]乔治·斯坦纳著, 严忠志译. 《托尔斯泰或陀思妥耶夫斯基》，杭州, 2011年. (*Steiner G. Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in Contrast / Пер. Янь Чжунчи. Ханчжоу, 2011.*)

⁴¹ [英] 马尔科姆·琼斯著, 赵亚莉等译. 《巴赫金之后的陀思妥耶夫斯基: 陀思妥耶夫斯基幻想现实主义解读》，长春, 2011年. (*Jones M. Dostoevsky after Bakhtin / Пер. Чжао Яли и др. Чанчунь, 2011.*)

⁴² [德] 赖因哈德·劳特著, 沈真等译. 《陀思妥耶夫斯基哲学——系统论述》，东方出版社, 1996年. (*Lauth R. Die Philosophie Dostojewskis / Пер. Шэнь Чжэнь и др. Пекин, 1996.*)

можно сказать, что, «хотя исследования старшего поколения в то время в основном носили характер „переноса идей“, всё же нельзя отрицать их позитивного воздействия на современные исследования о Достоевском в Китае»⁴³.

II. О переводах Достоевского в Китае

В 1920-е гг. на китайском языке были опубликованы повести и рассказы Достоевского, в частности «Честный вор» (1920), «Елка и свадьба» (1920), «Мальчик у Христа на елке» (1921), «Мужик Марей» (1925), «Хозяйка» (1927), «Сон смешного человека» (1929), «Роман в девяти письмах» (1928), фрагменты романов «Преступление и наказание» (1922), «Униженные и оскорбленные» (1924), «Подросток» (1925), «Бесы» (под названием «Священник и дьявол», 1927), роман «Бедные люди» (1926), а также письма Достоевского к брату Михаилу (1928). Эти переводы осуществлялись с изданий на английском языке. Особенно часто китайские переводчики обращались к рассказу «Честный вор». Таково было начало истории переводов произведений Достоевского в Китае.

Значительно больше переводов появилось в 1930–1940-е гг.: на китайском языке были опубликованы «Преступление и наказание» (1930), «Записки из Мертвого дома» (1931), «Униженные и оскорбленные» (1931), «Кроткая» (1931), «Записки из подполья» (1931), «Слабое сердце» (1933), «Белые ночи» (1936), три первые главы «Неточки Незвановой» (1937), «Идиот» (1946). Кроме того, появились переводы «Пушкинской речи» Достоевского (1935), «Письма Достоевского к госпоже Алчевской» (1935) и таких книг, как, например, «Воспоминания А. Г. Достоевской» (1930), «Идеалы и действительность в русской литературе» П. Кропоткина (1930, 1931)⁴⁴, «Русская литература» англичанина Мориса Бэринга (1931)⁴⁵.

После начала японо-китайской войны в 1937 г. работа над переводами осуществлялась в городах Чунцин и Гуйлинь. За основу по-прежнему брались английские источники. С 1940-х гг. начали появляться переводы с русского языка. В этой связи нельзя не упомянуть имя Гэн Цзичжи, который впервые сделал переводы с оригинала романов «Братья Карамазовы», «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание». В 1945–1948 гг. шанхайским книжным магазином «Вэнь-

---

⁴³ 丁世鑫.《勃兰克斯和升曙梦对中国现代陀思妥耶夫斯基研究的影响》,《青年文学家》,2012年第8期,第22页。(Дин Шисинь. Влияние Брандеса и Нобори Сёму на изучение Достоевского в современном Китае // Молодые литераторы. 2012. №8. С. 22.)

⁴⁴ 彼得·克鲁泡特金, 韩侍桁译.《俄罗斯文学的理想和现实》,上海,1930。(Пер. Хань Шихэн. Шанхай, 1930); 彼得·克鲁泡特金, 韩侍桁译.《俄罗斯文学的理想和现实》,重庆,1931。(Пер. Ли Ни. Чунцин, 1931.)

⁴⁵ 贝灵著, 梁镇译.《俄罗斯文学》,上海,1931。(Пер. Лян Чжэнь. Шанхай, 1931.)

гуань» (позже превратившимся в издательство) было издано собрание сочинений Достоевского в девяти томах⁴⁶.

После образования Китайской Народной Республики руководство страны стало проводить дружественную СССР политику, которая способствовала росту интереса к произведениям русских классиков. В 1950-е гг. число переведенных произведений Достоевского существенно увеличилось. С 1960 по 1979 г. переводы Достоевского в континентальном Китае практически прекратились, в то время как на Тайване этот процесс продолжался, появлялись новые переводы произведений Достоевского с английского на китайский язык. В то же время в континентальном Китае были переизданы ранее переведенные произведения Достоевского.

После «культурной революции» издатели и переводчики в континентальном Китае снова обратились к русской классике. 1980-е гг. по праву считаются «золотым временем» в истории китайских переводов Достоевского. Основную роль в этом процессе играли издательства «Жэньминь чубаньшэ», «Шанхайский перевод», «Лицзян» и «Чжэцзянское детское издательство». Тем не менее по сравнению с переводами Л. Н. Толстого, китайские издания Достоевского сильно уступали им количеством. В 1980-е гг. издательством «Жэньминь чубаньшэ» было издано собрание сочинений Достоевского в девяти томах.

После 1995 г. наступил своеобразный бум переводов Достоевского в Китае. Появилось много переводческих версий одних и тех же произведений. К настоящему времени роман «Преступление и наказание» издан на китайском примерно в тридцати вариантах перевода, «Идиот» — в шестнадцати вариантах, «Униженные и оскорбленные» — в десяти вариантах, «Братья Карамазовы» — в семи вариантах, «Белые ночи» — в пяти вариантах, «Бесы» и «Записки из Мертвого дома» — в четырех вариантах, «Бедные люди» — в трех вариантах. Это касается только полных текстов произведений. Китайские читатели могли познакомиться с работами таких известных мастеров перевода, как Гэн Цзичжи (1899–1947), Цзан Чжунлунь (р. 1931)⁴⁷, Нань

---

⁴⁶ 《陀思妥耶夫斯基选集》，九卷本，上海，1953。（Достоевский Ф. Собр. соч.: В 9 т. Шанхай, 1953: «Преступление и наказание» (первая и вторая части, пер. Взя Сунью), «Униженные и оскорбленные» (пер. Шао Чуаньлиня), «Бедные люди» (пер. Взя Сунью), «Записки из Мертвого дома» (под названием «Сибирские узники», пер. Взя Сунью), «Записки из подполья» (пер. Ван Вэйгао), «Игрок» (пер. Хан Шихэна), «Идиот» (пер. Сянь И), «Братья Карамазовы» (пер. Взя Сунью), собрание рассказов Достоевского: «Белые ночи» (пер. Шую), «Кроткая» (пер. Ван Вэйгао), «Хозяйка» (пер. Взя Сунью); фрагмент «Воспоминаний А. Г. Достоевской», «Письма Ф. М. Достоевского к брату Михаилу Михайловичу» и «Хроника жизни и творчества Достоевского» под ред. В. Чичикина.)

⁴⁷ Цзан Чжунлунь (臧仲伦) — переводчик, профессор Пекинского университета. Перевел «Преступление и наказание» (Чанша, 1995), «Идиота» (Нанкин, 1994), «Братья Карамазовых» (Нанкин, 1999, 2001, 2002); «Бесов» (Нанкин, 2001), «Униженных и оскорбленных» (Нанкин, 1995), «Записок из подполья» и «Двойника» (Нанкин, 2004).

Цзян (р. 1931)⁴⁸, Жун Жудэ (р. 1934)⁴⁹. Они в совершенстве овладели русским языком и выполнили свои переводы с оригинала.

Таким образом, можно заключить, что в 1960–1970-е гг. в континентальном Китае выходило немного книг с произведениями Достоевского, в то время как на Тайване издательская деятельность такого рода была в расцвете. В 1980-е гг. в континентальном Китае и на Тайване переведенные произведения Достоевского получили общественное признание. С 1990-х гг. континентальный Китай стал обгонять Тайвань на этом поприще. Наряду с переизданием старых переводческих версий вышло в свет немало новых переводов известных романов Достоевского. В последние годы и на Тайване переиздано много переводов, выполненных в континентальном Китае, опубликованы новые и переизданы старые переводы. По-прежнему большой популярностью у читателей пользуются переводы таких мастеров, как Гэн Цзичжи, Вэй Сунью и др.

Однако следует отметить, что процесс освоения творчества Достоевского в Китае отстает от западных стран и Японии. Это объясняется тем, что переводить Достоевского в Китае стали сравнительно поздно. К тому же в 1920-е гг. переводчиков, в достаточной мере знающих русский язык, было очень мало, им приходилось переводить Достоевского с английского. Вместе с тем с начала XXI в. в Китае становится всё больше и больше исследователей русской литературы, хорошо знающих русский язык.

III. Влияние Достоевского на китайскую литературу

Несомненно, переводы произведений Достоевского давно уже стали органической составляющей китайского литературного процесса. Влияние Достоевского на китайскую литературу XX в. многообразно, оно зависело в первую очередь от творческого метода и философских взглядов того или иного писателя. Парадоксально, что именно писатели, высоко оценивающие Достоевского, такие как Лу Синь (1881–1936), Чжэн Чжэньдо (1898–1958), Су Сясунь (1907–1986) и Шао Цуаньлинь (1906–1971), довольно мало перенимали из его творческого опыта. В 1920–1930-е гг. психологический анализ Достоевского оказал заметное влияние на писателей Юй Дафу (1896–1945) и Мао Дуня (1896–1981). В трилогии «Затмение» (1927–1928) Мао Дуня и «Падение» (1921) Юй Дафу представлено описание болезненно-психологического состояния персонажа, основанное на внутреннем конфликте⁵⁰.

---

⁴⁸ *Нань Цзян* (南江) перевел романы «Идиот» (Пекин, 1989; Тайвань, 1996, 1998), «Бесы» (Пекин, 1983) и «Униженные и оскорбленные» (Пекин, 1980).

⁴⁹ *Жун Жудэ* (荣如德) перевел романы «Братья Карамазовы» (Шанхай, 1998; Тайвань, 2000), «Идиот» (Шанхай, 1986, 1991) и «Белые ночи» (Шанхай, 1993).

⁵⁰ 茅盾.《蚀》，北京，1928。（*Мао Дунь*. Затмение. Пекин, 1928.）郁达夫短篇小说集《沉沦》，上海，1921。（*Юй Дафу*. Собрание рассказов: Падение. Шанхай, 1921.）

Что касается влияния Достоевского на китайскую литературу 1940-х гг., то многие исследователи находят общее между русским классиком и таким китайским писателем, как Лу Лин⁵¹. Общеизвестно, что Достоевский оказал влияние на Лу Лина больше, чем кто-либо из русских писателей. На эту тему опубликовано немало работ, их авторы приходят к выводу, что влияние Достоевского на Лу Лина проявляется не только в психологическом описании, но и в типах героев. «Душевное движение» в творчестве Лу Лина иногда называют «полифонической психологией»⁵². Для героев Лу Лина характерно метафизическое мышление, самоосуждение и самооправдание. Персонажи произведений Лу Лина предпочитают мыслить в замкнутом помещении, подобно героям Достоевского — Раскольникову, Ивану Карамазову и герою «Записок из подполья».

В 1950–1980-е гг. большое влияние на китайских писателей оказали такие писатели, как В. В. Овечкин, И. Г. Эренбург и М. А. Шолохов, но отнюдь не Достоевский. С 1990-х гг. новое поколение китайских писателей вновь обратилось к творчеству Достоевского. В творчестве Чжан Вэя, Юй Хуа, Чжан Чэнчжи и нобелевского лауреата Мо Яня китайские писатели и исследователи русской литературы находят отзвук творческих и духовных поисков Достоевского. Мы не будем проводить здесь подробное описание этих процессов, лишь смеем заметить, что работы Чжан Вэя⁵³ могут служить убедительным свидетельством того, что в Китае было и будет много поклонников творчества Достоевского. Некоторые из талантливых писателей усвоили опыт великого русского писателя, учились у него мастерству раскрытия всех тайн в глубине души человека.

Сегодня в Китае известные переводчики совместно с литературоведами прилагают активные усилия для издания новых, более точных переводов, а также монографических исследований о творчестве Достоевского, и тем самым способствуют более глубокому пониманию произведений писателя и продвижению научного освоения наследия Достоевского в Китае.

---

⁵¹ Лу Лин — известный китайский писатель, написал цикл рассказов «Чжу Гуэйхуа», «Первый снег» и др., а также роман «Дети помещика».

⁵² 李春林, 臧恩钰. 《论路翎的〈谷〉——兼及鲁迅与陀思妥耶夫斯基在〈谷〉中的印痕》, 《河北学刊》, 1996年第1期, 第65页. (Ли Чуньлин, Цзан Эньюй. О романе «Овраг» Лу Лина: влияние Лу Синя и Достоевского // Хабэйский вестник. 1996. № 1. С. 65.)

⁵³ Чжан Вэй (р. 1956) — китайский писатель, с 1980-х гг. начали выходить в свет его романы, которые переведены на японский, английский, французский, немецкий и корейский языки. Главные произведения — «Старинная лодка», «Сентябрьская басня» и «Ты на нагорье».